

деятельность, на «источниковедческую практику».⁷⁹ Она предназначена не для углубленного изучения исторических источников как носителей социальной информации, а для выявления, учета и первичного разделения памятников на классы и может в лучшем случае рассматриваться как одна из предпосылок для обоснования «сущностной» и многоаспектных⁸⁰ классификаций исторических источников.

Хотелось бы надеяться, что предлагаемые в данной статье модели классификаций исторических источников помогут дальнейшей работе источниковедческой мысли в этих направлениях.

Л. Е. ШЕПЕЛЕВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО И ИСТОРИКО-ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ XIX—НАЧАЛА XX в.*

Как мы уже отмечали, под делопроизводством имеется в виду официально установленная система подготовки документов (номенклатура и форма), их движения (рассмотрение и утверждение) и организации их хранения относительно друг друга. Вместе с тем именно делопроизводство обеспечивает передачу информации о деятельности государственных учреждений (т. е. об управлении) из прошлого в настоящее. И изучение делопроизводства позволяет выяснить, как оно справлялось с этим. Знание системы делопроизводства необходимо для исследователя, обращающегося к делопроизводственным документам, поскольку облегчает нахождение источника среди массы других и способствует правильной его интерпретации. С полным правом можно утверждать, что знание делопроизводства определяет источниковедческую культуру исторического исследования.

⁷⁹ См. об этом: Варшавчик М. А. О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС. — *Вопр. истории КПСС*, 1962, № 4, с. 168.

⁸⁰ Интересно было бы рассмотреть проблемы классификации исторических источников в плане концепции «социальной памяти»; см. об этом: Уйбо А. С. Информационный подход к типологии исторических источников. — В кн.: *Философские проблемы исторической науки: Труды по философии*. Тарту, 1982, с. 31—67. (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та; Вып. 599) или современных представлений о теории коммуникаций (в частности, о каналах передачи культурных сообщений), в которой используется и терминология, принятая при изучении словесных источников. А. Мольт писал: «Эти понятия, возникшие первоначально применительно к сообщениям письменной речи, на самом деле обладают гораздо большей общностью и приложимы ко всем вообще способам физической передачи сообщений» (Мольт А. *Социодинамика культуры*. М., 1973, с. 126—127).

* Продолжение. Начало статьи см.: *Вспом. ист. дисциплины*. Л., 1983, т. XV, с. 31—61.

Системы делопроизводства были различны в разных учреждениях, хотя существовали и некоторые общие принципы его организации. Основные нормы делопроизводства были разработаны еще в начале XIX в. и регламентированы законом. Н. М. Карамзин не без сарказма писал: «Вообще новые законодатели России славятся наукою письмоводства более, нежели наукою государственною. Издают проект Наказа министерского. Что важнее и любопытнее? Тут, без сомнения, определена сфера деятельности, цель, способы, должность каждого министра? Нет, — брошено несколько слов о главном деле, а все другое относится к мелочам канцелярским. Сказывают, как переписываться министерским департаментам между собою, как входят и выходят бумаги, как государь начинает и кончает свои рескрипты.¹ Надо сказать, что предусмотренные законом нормы делопроизводства были затем развиты на практике и в большинстве случаев строго соблюдались. И все же, как мы покажем дальше, от этих норм иногда делались отступления даже на самом высоком уровне управления страной. Знание о них столь же важно для исследователя, как и знание самих норм. Изучение особенностей делопроизводства учреждений царской России убеждает, что оно было не только техническим элементом управления. В некоторых случаях оно использовалось и как средство влияния на управление и даже как его прямое орудие. Здесь и затягивание сроков представления документов, и случаи прямой их фальсификации,² и, что особенно важно, самоуправное влияние канцелярий на принятие решений. В 1860-е годы видный государственный деятель П. А. Валуев отмечал в качестве общего явления, что формальные руководители дела оказывались не в состоянии «сдавить в надлежащей мере механизм делопроизводства и удержать в своих руках полное господство над этим механизмом». В результате «все канцелярии и все департаменты более или менее приобрели лишний вес. Канцелярские наперсники стали часто обращаться в канцелярских пестунов».³ Получившее распространение влияние канцелярий на деятельность правительственных органов вызвало даже (применительно к канцелярии Государственного совета) замечание Александра II на одном из заседаний Совета министров в 1864 г.: «Государственная канцелярия вышла из своей роли и присвоила себе значение и положение, ей не принадлежащее».⁴

Выяснение научной значимости и перспектив исследования делопроизводства государственных учреждений не может основыв-

¹ Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — Русский архив, 1870, т. II, с. 2289.

² Наибольшую известность получила история фальсификации делопроизводства Комитета министров управляющим делами Ф. Ф. Гежелинским в конце 1820-х годов. — См. в кн.: Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902, т. 2, ч. 1, с. 30—34.

³ Дневник П. А. Валуева — министра внутренних дел. М., 1961, т. 1, с. 357.

⁴ Там же, с. 300.

ваться только на общих теоретических соображениях, но должно также опираться на опыт непосредственного изучения делопроизводства разных учреждений и, по возможности, практики использования делопроизводственных документов в исторических исследованиях. В нашей статье делается попытка первоначального изучения систем делопроизводства высших учреждений царской России XIX—начала XX в.:⁵ Государственного совета, Комитета министров и Совета министров. Знание особенностей делопроизводства названных учреждений важно не только вследствие значения их документации как исторических источников, но и потому, что их делопроизводство признавалось образцовым и являлось примером для организации делопроизводства всех других государственных учреждений.

Как это свойственно всякой системе делопроизводства, документы высших государственных учреждений разделяются прежде всего по видам и вариантам. Определенный вид документа строго соответствовал рангу (компетенции) учреждения, должностным и социальным отношениям автора и адресата и назначению документа. Вид документа определял его формуляр, а отчасти и манеру изложения. Вариантом документа является его экземпляр, отличающийся от прочих своей делопроизводственной функцией (черновик или беловик, проект или подлинник, оригинал или копия) и способом воспроизведения (рукописный, машинописный, типографский).⁶ Ясно, что варианты различия документов весьма существенны в источниковедческом отношении, поскольку каждый вариант несет не только общую, но и какую-то особую информацию. Так, черновик и проект могут содержать разночтения относительно текста подлинника; только последний (будучи входящим документом) содержит отметки о времени его получения, был действительно прочтен адресатом и может иметь его пометы; наличие позднейшей копии указывает на повторное обращение к документу в делопроизводстве и т. д.

Заметим сразу же, что видовые и варианты особенности делопроизводственных документов XIX—начала XX в. до сих пор изучены слабо.

Система делопроизводства Комитета министров сводилась к следующему. Согласно законам от 8 сентября 1802 г. и 20 марта 1812 г., министры должны были обращаться в Комитет министров («входить» в него) с «представлениями», которые бы «содержали в себе все обстоятельства дела и мнение министра».⁷ Предвари-

⁵ За исключением Сената, чье делопроизводство рассмотрено в статье Л. В. Виноградовой «Основные виды документов Сената и организация его делопроизводства» (в кн.: Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX—начала XX века. Л., 1967, с. 111—132).

⁶ Шепелев Л. Е. Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX—начала XX в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976, с. 262—265.

⁷ Исторический обзор..., с. 26.

тельно полагалось направлять представление «прочим министрам для надлежащего соображения со всеми государственными частями, в ведении их находящимися».⁸ В тех случаях, когда по данному делу требовался «именной указ», должен был представляться проект этого документа. Рассмотрение дел (представлений) и принимаемые решения оформлялись «журналами».⁹ Первоначально (когда император лично присутствовал на заседаниях) журналы Комитета «составлялись очень кратко: они состоят обыкновенно из оглавления дел и положений Комитета». Однако «с течением времени представления министров стали излагаться весьма подробно, со включением в журнал всех существенных обстоятельств, дабы государь, читая журнал Комитета, мог видеть, чем вызваны положения Комитета».¹⁰ До конца 1820-х годов рассмотрение каждого вопроса оформлялось особым (отдельным) журналом. Затем «для мелких дел», рассмотренных на одном заседании Комитета, стали составлять общий журнал, в который вносились «только оглавление дела и заключение Комитета; дела же обширные и заслуживающие особого внимания» должны были оформляться «особыми журналами, составленными на прежнем основании».¹¹ Подготовленные канцелярией Комитета министров журналы первоначально зачитывались на одном из последующих заседаний и подписывались всеми членами Комитета, в том числе и теми, кто не присутствовал при обсуждении дела. Это вызвало необходимость вносить в журналы «не только существо дела, но и все обстоятельства его, отчего представления министерств излагались в журналах со всеми подробностями». При этом сроки подготовки журналов увеличивались. В конце 1820-х годов порядок подписания журналов был изменен и их тексты стали короче.¹² Журналы Комитета должны были утверждаться царем. Для облегчения этой процедуры с 1816 г. на основании журналов стали составляться «мемории» — общие и особые. В них «излагались в несколько сокращенном виде представления министров и положения Комитета».¹³ Мемории эти докладывались императору, и на них делались пометы о последовавших «высочайших повелениях». С 1819 г. стали составляться дополнительно краткие мемории для непосредственного прочтения императором и личного написания им резолюций и помет. Вскоре, однако, краткие мемории по составу сведений и объему стали приближаться к мемориям обычным. «Более обширные» дела представлялись царю в виде особых меморий, а потому не включались в краткие мемории. Подлинные журналы Комитета министров и мемории раздельно формировались в наряды (по хронологии). Журналы составляли обычно 12 томов в год; мемории

⁸ ПСЗ I, т. XXVII, № 20406, ст. XI.

⁹ Исторический обзор..., с. 27.

¹⁰ Там же, с. 36—37.

¹¹ Там же, с. 30.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 37.

составляли сначала по 2 тома в год, а затем по 12 томов в год, но меньшего, чем журналы, объема; наконец, краткие мемории сначала составляли по одному тому за год, с 1825 г. — по два, а затем по шесть томов. Таким образом, в первой трети XIX в. каждое дело, рассмотренное Комитетом министров, излагалось по три раза. «В то же время различие между журналами, мемориями и краткими мемориями стало весьма относительно и не очень заметно».¹⁴ Поэтому, по новым правилам от 6 мая 1831 г., было решено составлять одни журналы, но разделить их по роду дел на три разряда. К первому разряду относились те дела, которые требовали утверждения царя, ко второму — только доводимые до его сведения, к третьему — не решаемые, а лишь принимаемые Комитетом к сведению. При рассмотрении дел первого разряда велись общие и особые журналы. Последние первоначально предназначались для «важнейших из дел».¹⁵ Однако, согласно окончательной редакции правил, составление особых журналов было предусмотрено в трех случаях: «1) по делам, для коих назначаются особые заседания; 2) по делам обширным, требующим по важности своей подробного изложения как существа оных, так и суждений Комитета; 3) по делам, на кои признано будет нужным немедленно испросить высочайшее разрешение».¹⁶ Первоначально предполагалось, что в общих журналах должно было излагаться лишь «существо дел и положения Комитета», а в особые журналы представления министров подлежали внесению «на прежних основаниях», т. е. включая «все обстоятельства дел».¹⁷ В правилах же оказалось записано, что «особые журналы по всем делам составляются на том же основании, как и общие, т. е. в них помещаются одни оглавления или краткое изложение существа дел».¹⁸ В журналы по делам второго разряда (общие и особые) заносились только «оглавление дела и положение Комитета» (эти журналы представлялись царю не сразу, а в установленные сроки). Наконец, по делам третьего разряда журналы представляли собой лишь перечень их названий.¹⁹ Журналы по делам первого и второго разрядов делились вертикальной чертой на две половины: в левой излагалась первая часть журнала, в правой — вторая и третья. На подготовку журналов отводилось обычно 7—10 дней. Такой порядок оформления журналов сохранился до 1906 г. Положения Комитета министров сообщались министрам выписками из журналов, в которые включалось и изложение «всех рассуждений, происходивших в Комитете, чтобы министр мог знать не только решение Комитета, но и все вообще рассуждения, бывшие при

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 37—38.

¹⁶ Свод законов Российской империи. СПб., 1832, т. I, ч. 1, с. 53—54. ст. 198.

¹⁷ Исторический обзор..., с. 38.

¹⁸ Свод законов Российской империи. СПб., 1832, т. I, ч. 1, с. 54, ст. 200.

¹⁹ Исторический обзор..., с. 38.

этом».²⁰ Если рассмотрение дела оформлялось особым журналом, ведомство получало его полную копию.

По рассмотренным Комитетом вопросам дела обычно не заворачивались. Так же как журналы и мемории, представления министров формировались в наряды по хронологии их рассмотрения. Таким образом, существующая ныне в архиве организация документации Комитета необычна, и исследователь должен иметь в виду, что по каждому вопросу он может найти документы в нарядах представлений и в нарядах журналов, а за первую треть XIX в. — еще и в нарядах меморий.

Делопроизводство Государственного совета сложилось не сразу. Как и в Комитете министров, по каждому делу оно открывалось, как правило, представлением министра, предварительно согласованным с другими ведомствами. Первоначально работа Совета серьезно осложнялась отсутствием в стране кодифицированного законодательства. Государственная канцелярия должна была не только контролировать соответствие представлений министров существующим законам, но и подготавливать заново относящиеся к рассматриваемому делу выписки из них. Главным образом в связи с этим на государственного секретаря и руководимую им канцелярию Совета возлагалась обязанность подготавливать поступающие дела к докладу.²¹ Рассмотрение дел оформлялось журналами, в которые, однако, «вносилось лишь мнение, принятое большинством» членов; прочие же могли в недельный срок представить свое мнение особо. «Постановления» Совета «подносились» государственным секретарем царю на утверждение «в подлинных журналах». Этот порядок был изменен 13 февраля 1816 г., когда «повелено было представлять мнения Государственного совета на высочайшее благоусмотрение не в подлинных журналах, а в мемориях или особых записках, содержащих в себе краткое изложение выслушанных дел с заключениями по ним департаментов и Общего собрания». Если дело не вызывало особых разногласий и не рассматривалось в Общем собрании, царю представлялась (и утверждалась им) мемория о рассмотрении дела в департаментах Совета. Как и до того, журналы оформлялись по каждому делу (вопросу) отдельно; если дело рассматривалось на нескольких заседаниях, мог составляться один журнал.²² Закон выделял в формуляре журналов Государственного совета четыре части: 1) «содержание дела» (т. е. заголовок); 2) главные предметы рассуждения; 3) причины, уваженные Советом; 4) заключение». ²³ Никаких других указаний относительно этих журналов в законе не содержалось.

«Составление меморий по особой... форме лежало на обязанности Отделения дел государственного секретаря. Содержание

²⁰ Там же, с. 25.

²¹ Государственная канцелярия. 1810—1910. СПб., 1910, с. 6, 38, 39.

²² Там же, с. 38.

²³ Свод законов Российской империи, т. I, ч. 1, с. 38, ст. 139.

выслушанных дел должно было излагаться в мемориях в возможной краткости, но таким образом, чтобы оно представляло полный и ясный обзор всех обстоятельств, подлежащих решению.²⁴⁻²⁵ Порядок составления меморий и утверждения мнений Государственного совета только по ним вызвал в то время серьезные возражения в бюрократических кругах. Так, М. М. Сперанский справедливо «обратил внимание на два... самые существенные вопроса: „1) чем удостоверено, что сии выписки представляют дело по всей полноте и ясности? и 2) если они представляют его во всей полноте и ясности... то почему же они не суть журналы и списки с журналов?“». Однако «мемории твердо установились на практике Государственной канцелярии и были узаконены Учреждением Государственного совета 1842 г. для всех обыкновенных дел и положений, составляемых как в Общем собрании, так и в департаментах Совета».²⁶ «Мемории эти имеют чрезвычайно важное значение, потому что [по] ним разрешаются государем все советские дела», — разъяснял позднее государственный секретарь Е. А. Перетц.²⁷ Их введение в 1816 г. было, возможно, связано с тем, что с этого года дела Государственного совета стали докладываться Александру I А. А. Аракчеевым, для чего и потребовалась особая их краткость. Ознакомившись в архиве с первыми мемориями, Перетц записал в дневнике: «Более всего поразило меня то, что начиная с 1816 г. и до конца царствования императора Александра I Павловича на так называемых мемориях Государственного совета нет собственноручных резолюций императора. Они писаны от имени его величества рукою Аракчеева, причем резолюции не всегда утвердительные: иногда принимается мнение меньшинства, а иногда делаются изменения даже в единогласных постановлениях Государственного совета».²⁸ С воцарением Николая I доклады государственного секретаря царю возобновились.

С 1830-х годов, когда Государственная канцелярия возглавлялась бароном М. А. Корфом, ее делопроизводство приобрело репутацию образцового. Корф распорядился, в частности, «чтобы вместо пространных журналов впредь составлялись более краткие и чтобы под „содержанием дела“ разумелось „не изложение одного во всем пространстве и во всех подробностях, но ясный вывод одних только существенных обстоятельств, составленный кратко и верно из общего всех обстоятельств соображения“».²⁹ Вдвое был сокращен объем меморий. Академик Я. К. Грот, служивший в те годы в Государственной канцелярии, вспоминал впоследствии: «Порядок делопроизводства был доведен до совершенства. Дела решались безостановочно; во всех канцелярских отправле-

²⁴⁻²⁵ Государственная канцелярия... с. 38.

²⁶ Там же, с. 39.

²⁷ Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). М.; Л., 1927, с. 105.

²⁸ Там же.

²⁹ Государственная канцелярия... с. 127.

ниях господствовала величайшая точность; переписка бумаг отличалась щегольским изяществом; в должность писцов привлекались искуснейшие каллиграфы». ³⁰

Личный состав Государственной канцелярии уподоблялся современниками «чиновничьей гвардии». Служба там была не только почетна, но во многих случаях открывала путь к занятию высших административных постов. Поэтому «лица, пользующиеся наибольшей протекцией, старались устроиться именно здесь на службу». ³¹ Глава канцелярии — государственный секретарь — пользовался очень большим влиянием в бюрократических кругах. Считалось, что члены Совета — «ничто, председатель — кое-что, государственный секретарь — все». ³² С ним велась вся переписка министров, от него зависела очередность рассмотрения дел в Государственном совете, подготовка журналов заседаний, изложение дела в мемориях, наконец, их доклад царю.

Делопроизводственный аппарат Государственного совета серьезно влиял на существо его деятельности. Государственный секретарь Е. А. Перетц отмечал, например, применительно к 1880-м годам, что только благодаря канцелярской обработке прений в Совете при ознакомлении с его «отчетами и мотивированными мнениями... можно предположить, что в Совете сидят чуть ли не Солоны; при публичности заседаний иллюзия совершенно исчезнет». ³³

Подлинники журналов отдельных департаментов, их соединенных присутствий разного состава и Общего собрания Государственного совета, а также мемории формировались в наряды (по видам этих документов) и хранились (также хранятся и ныне в архиве) отдельно. Вместе с тем по каждому рассмотренному в Совете вопросу заводилось дело. Обычно оно открывалось представлением ведомства с сопроводительным письмом министра на имя государственного секретаря. В необходимых случаях представление дополняется отзывами на него ведомств (или сводкой отзывов) и ответами на них. Все прочие документы дел возникали непосредственно в делопроизводстве Государственной канцелярии. Среди них: копии журналов департамента Совета или соединенных присутствий нескольких департаментов, которыми рассматривался данный вопрос, а также Общего собрания, иногда с приложением текста особого мнения кого-либо из членов Совета; изложение в виде особого документа «резолуции» царя на мемории; «высочайшее повеление об исполнении последовавшего в Государственном совете мнения по делу о...»; отпуск препроводительной государственного секретаря на имя министра, чье представление рассматривалось, о направлении для сведения копии «высочайшего повеления» и экземпляра журнала, «заклю-

³⁰ Там же, с. 125.

³¹ Ивановский А. В. Воспоминания инженера (Архив ЛОНИ СССР АН СССР, ф. 297, оп. 1, д. 273, л. 158).

³² Дневник П. А. Валуева..., с. 356—357.

³³ Дневник Е. А. Перетца..., с. 19.

чающего в себе суждения Государственного совета по настоящему делу»; наконец, если утвержденный законопроект был оформлен в виде особых правил, в делах содержится текст последних и проект именного указа Сенату с повелением «для обнародования и исполнения оных сделать надлежащие распоряжения». Необходимо иметь в виду, что в некоторых случаях при обсуждении «наиболее выдающихся по своему значению» дел в Государственном совете оформлялись не журналы, а более обстоятельные протоколы. Например, протоколом были оформлены заседания 20 и 25 апреля 1896 г. «по делу об исправлении денежного обращения», причем объем этого документа составил 105 типографских страниц. А заседание 27 февраля 1897 г. по тому же вопросу было оформлено и протоколом, и журналом. Здесь мы имеем возможность сравнить объем того и другого: 33 и 14 страниц типографского текста.^{33а} Во многих делах сохранились разного рода правленные экземпляры журналов и других документов. Мемории в делах отсутствуют.

При образовании Совета министров в октябре 1905 г. его делопроизводство первое время велось канцелярией Комитета министров (до ликвидации этого органа в апреле 1906 г.) и было организовано необычно, что вызывает у исследователей ряд недоумений. В ходе изучения в правительственных сферах вопроса об образовании Совета министров вопрос о системе его делопроизводства затрагивался лишь вскользь. В документе, озаглавленном «Соображения об объединении в Совете министров высшего государственного управления», указывалось, что «существующие правила делопроизводства в Комитете министров и установленные формы его журналов дают... достаточный простор» и для проектируемого Совета министров.³⁴ Далее отмечалась возможность несоставления журналов заседаний Совета министров в некоторых спешных случаях. В «Проекте положения о преобразовании Совета министров» более определенно указывалось, что «делопроизводство в оном происходит по правилам, установленным для Комитета министров».³⁵ Затем, в частности, отмечалась возможность составления журналов заседаний Совета. В заключительной «Мемории Особого совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил» (3, 4 и 12 октября 1905 г.) получило отражение предложение двух членов этого совещания о том, что председатель Совета министров (по идее двух членов — председатель «Присутствия» в составе Совета) «представляет его императорскому величеству краткие мемории за подписями членов Присутствия о всех делах, бывших в рассмотрении Присутствия».³⁶ Большинство же совещания (20 членов) оспаривало необходимость такого порядка, указывая, что

^{33а} ЦГИА СССР, ф. 1152, т. XII, 1897, д. 78, ч. 1, л. 350, 357.

³⁴ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 5, л. 59.

³⁵ Там же, л. 63.

³⁶ Там же, л. 322, 404, 418.

«нет никаких поводов связывать» председателя Совета «в предстоящей ему... деятельности обязанностью представлять» царю «краткие мемории по всем рассмотренным в Совете делам, и притом непременно за подписанием членов Совета». Мнение большинства было утверждено царем (19 октября 1905 г.).³⁷ Председатель Совета был освобожден от личного представления меморий, да и составление последних обязательно «по всем... делам» было признано излишним. Однако идея оформления заседаний «нового» Совета министров мемориями (а не журналами) по каждому вопросу отдельно была воспринята практикой его делопроизводства. Эта идея заимствовалась из практики последних заседаний в 1905 г. «старого» Совета министров, возникшего еще в середине XIX в. Пока в нем председательствовал император, заседания Совета не оформлялись журналами или протоколами. Но когда в январе 1905 г. председательствование было поручено Д. М. Сольскому, стали составляться мемории для представления их царю. Особенностью меморий Совета министров было то, что они заменяли собой журналы, причем подписывались они (как и журналы) всеми участниками обсуждения дел. Лишь с упразднением Комитета министров мемории были заменены журналами.

От Комитета министров было унаследовано разделение всех рассматриваемых дел на три разряда. По первым двум разрядам журналы могли быть общими и особыми. Последние иногда составлялись на несколько заседаний, на которых рассматривалось одно дело. В отличие от особых журналов Комитета министров они не разделялись на левую и правую части. Резолютивная часть журналов называлась «Положение Совета министров». Подлинные журналы формировались в наряды, раздельно.— общие и особые. Как и в Государственном совете, обсуждение некоторых важных и сложных вопросов могло оформляться протоколами. Так, сохранился протокол заседания Совета министров от 14 октября 1911 г. о продлении действий Комитета по распределению заказов на принадлежности для железных дорог на 5 листах. Его суть в составленном по тому же вопросу особом журнале от 14 октября и 29 декабря 1911 г. была изложена на полулисте.³⁸ По всем более существенным рассматриваемым вопросам заводились дела, в которые попадали и представления министров с отзывами на них ведомств, и копии журналов по этим делам (или выписки из общих журналов).

Упомянувшимися представлениям министров в высшие органы власти (иногда они назывались «записками») принадлежит важнейшая роль в системе делопроизводства и этих органов, и самих министерств, поскольку они являлись инициативными документами и содержали основные фактические сведения по затрагивавшимся ими вопросам. Многие представления были посвящены

³⁷ Там же, л. 403.

³⁸ Там же, ф. 1276, оп. 2, д. 335, л. 125—129, 183—189.

важнейшим вопросам государственного управления. На внесение представления в Государственный совет требовалось разрешение царя, которое испрашивалось особым докладом министра. Формуляр представлений и даже формат бумаги были установлены законом. Как мы уже отмечали, требовалось, чтобы они «содержали в себе все обстоятельства дела и мнение министра» и вместе с тем были составлены «кратко, ясно».³⁹ Следует сразу же отметить, что, поскольку сочетать краткость с полнотой изложения дела было невозможно, жертвовали именно краткостью. Во многих случаях по наиболее сложным делам объем представлений достигал десятков и сотен страниц. Иногда значительные объемы представлений вызывались не только сложностью дел, но и стремлением затруднить положение возможных оппонентов. На левом поле первого листа документа сверху указывался штамп учреждения, от которого представление исходило, дата и заголовок (например, «О расширении правительственного надзора за коммерческими банками»), а внизу называлось учреждение, куда документ направлялся («В Комитет министров»). Обычно представления включали несколько разделов под названиями: «Изложение дела», «Справка», «Законы», «Соображения» и «Заключение». В первом разделе излагалась история вопроса, включая и предшествующее его рассмотрение в правительственных учреждениях. Изложение основывалось на обстоятельном изучении документации ведомственных архивов, а иногда и литературы. Этот раздел является не только хорошей схемой для дополнительных поисков источников по предыстории вопроса, но и оказывается иногда (когда архивные материалы сохранились неполностью) единственным источником для изучения этой предыстории. Раздел «Справка» содержал фактические данные (иногда статистического характера) и указание на прецеденты, которые признавались необходимой основой представления и должны были приниматься во внимание при его рассмотрении. Нередко в представлениях давалась сводка законоположений других стран, относящихся к вопросам, аналогичным затронутым в представлении. Третий раздел включал выписки из действующих законов, относящиеся к данному делу, чем, естественно, значительно облегчалось его рассмотрение. Иногда «Справка» и «Законы» достигали столь большого объема, что их выделяли из состава представления в особое приложение к нему. «Соображения» являлись центральным, наиболее обширным разделом представлений. Здесь обстоятельно излагалась аргументация в пользу предлагаемого в «Заключении» решения дела. Доказательности «Соображений» придавалось большое значение. В отдельных случаях этот раздел получал вполне самостоятельное значение. Так, например, в представлении Министерства финансов от 30 октября 1893 г. «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур» в качестве «Соображений» приводилась программа торгово-промышленной политики страны,

³⁹ Исторический обзор..., с. 26, 38.

которая имела гораздо большее значение, чем изменение штатов одного из департаментов.⁴⁰ «Заключению» надлежало придавать редакцию, соответствовавшую форме решения органа, в который представление направлялось. Обычно представления подписывались главой ведомства (министром) и скреплялись директором департамента, к компетенции которого документ относился. Последний и кто-то из его сотрудников являлись составителями представления.

Сначала представление оформлялось как проект, копии которого рассылались на отзыв ведомств. При отсутствии замечаний беловой проект представления отправлялся на рассмотрение и утверждение. Если замечания были, проект дорабатывался и частично или полностью «перебеливался». Сохранившиеся в архивных делах немногие черновые экземпляры или проекты (в том числе экземпляры с правкой) могут быть, естественно, весьма полезны для исследователя, позволяя выяснить историю текста представления и лучше понять его смысл.

В некоторых случаях министры предпочитали обращаться в высшие органы власти не с представлениями, а с официальными письмами на имя управляющих делами этих органов для доклада содержания писем присутствиям. Нам неизвестно, чтобы такие обращения были узаконены. Однако в форме официальных писем предлагалось не только изменение практики административной деятельности, но и принятие новых законоположений. Так, в октябре 1915 г. министр торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховской обратился с официальным письмом к председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, содержащим просьбу «внести на обсуждение Совета министров вопрос об издании в порядке ст. 87 Основных государственных законов» нового «постановления» о предоставлении министру торговли и промышленности права утверждать уставы торгово-промышленных акционерных компаний, проект которого приводился в письме. Объем письма довольно велик — 6 типографских страниц. При этом к нему прилагался проект «Нормального устава торгово-промышленных акционерных обществ».⁴¹

Как уже упоминалось, до внесения представлений в высшие органы власти требовалось запросить отзывы о них всех заинтересованных ведомств. Содержавшиеся в отзывах замечания либо учитывались при окончательной доработке представлений, либо отвергались. В последнем случае могла возникнуть межведомственная переписка по согласованию разногласий. Для удобства их рассмотрения замечания ведомств и возражения на них иногда сводились в таблицы. Как свидетельствует в своих воспоминаниях

⁴⁰ Шепелев Л. Е. Новый источник для изучения торгово-промышленной политики царского правительства в конце XIX в. — В кн.: Актуальные проблемы архивоведения и источниковедения: Сб. научных трудов. М., 1983, ч. 2, с. 120—165.

⁴¹ Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 317—319.

министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, такой способ урегулирования разногласий был «очень длительный: сношение вызывало возражение, на него следовало контр-возражение и т. д., иногда на долгие годы, как в старом судебном процессе».⁴² Поэтому для убыстрения дела иногда применялся другой прием: представление вносилось в Государственный совет и государственный секретарь направлял его на отзыв от своего имени. Но затем отзывы пересылались в ведомство, выступившее с представлением, которое перерабатывало представление или готовило ответ с возражениями на замечания. Во многих случаях возражения и замечания были надуманны и мелочны. «Не возражать было нельзя, это было требование хорошего тона в бюрократических сферах», — вспоминал С. И. Тимашев.⁴³ Председатель Комитета министров Н. Х. Бунге также считал, что «замечания и возражения на проекты не всегда носят печать широкого государственного взгляда на дело».⁴⁴ Но все же во многих случаях отзывы являлись важным источником при выяснении позиций ведомств по поднятым в представлениях вопросам. Известны случаи, когда отзывы ведомств направлялись прямо в Государственный совет с целью остановить продвижение законопроектов. Так, в марте 1895 г. министр финансов С. Ю. Витте направил на имя государственного секретаря свои возражения против законопроекта Министерства внутренних дел об ограничении приема иностранцев в российское подданство.⁴⁵

Природа журналов как особого вида делопроизводственных документов в общем известна. Из трех видов документов, которыми могли фиксироваться прения, — стенограммы, протоколы, журналы, последние отражали их в наиболее обобщенном виде. Несколько выступлений одного лица сводилось воедино, близкие по выводам мнения разных лиц могли излагаться как нечто цельное. В результате в журналах прения чаще всего заменены изложением одного или двух мнений в поддержку обсуждаемого проекта или против него. При этом высказывавшиеся соображения приведены в систему, отредактированы, скорректированы, а иногда дополнены. По результатам голосования указывалось, какие участники заседания голосовали за каждое из мнений. Но что было сказано каждым, во многих случаях остается неясным. Мало того, можно подозревать, что некоторые из участников вообще не высказывались, а лишь присоединялись к мнению других. Считалось идеальным, если редакция журнала никак не выявляла позиции его составителей.⁴⁶ Хотя журналы подписывались участниками прений, но не невероятна и возможность, когда последние были согласны с интерпретацией составителями журнала высказанного ими мнения и уж во всяком случае — с его удачным раз-

⁴² ЦГАЛИ СССР, ф. 1208, оп. 1, д. 48, л. 56.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5493 б, л. 133.

⁴⁵ Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России, с. 179.

⁴⁶ Русский биографический словарь. «Корф М. А.». СПб., 1905, с. 286.

витием. В свете сказанного понятно, почему историки с большим вниманием относятся ко всем свидетельствам осведомленных современников о том, какими принципами руководствовались составители журналов, как эти принципы реализовывались ими, какой элемент субъективного вносился в журналы и, в конечном итоге, в какой мере журналы отражают истинную картину прений, и в частности действительные мотивы решений.

Охарактеризованному выше типу журналов более соответствовали журналы Государственного совета. Государственный секретарь А. А. Половцов разъяснял одному из министров, что «журнал Государственного совета содержит мнение не того или другого члена, а совокупность сказанного в защиту такого или другого заключения».⁴⁷ Заявление особого мнения кем-то из членов было в Совете делом сравнительно редким. Журналы департаментов Совета по внешнему виду несколько напоминали представления ведомств. Вверху слева указывались департаменты, члены которых составили присутствие, и дата или даты заседаний. В правой части первого листа указывалось министерство, чье представление обсуждалось; название этого представления; содержалось упоминание о рассылке представления членам Совета и затем приводился текст собственно журнала. Постановляющая часть журнала обычно называлась «мнение»; реже, до утверждения журнала царем, она называлась «заключение» или «положение».

К иному типу относились журналы Комитета министров. Вследствие того, что они с 1830-х годов представлялись императору в оригинале (а не в мемории), их текст более персонифицирован. Как рассказывает в своих воспоминаниях Н. Н. Покровский, служивший в канцелярии Комитета в 1890-е годы, для журналов этого органа было характерно то, что «речь каждого говорившего по мало-мальски серьезному делу приводилась от его лица. К этому побуждало и то обстоятельство, что... каждому говорившему было желательно обратить на свою речь высочайшее внимание». При этом от составителей журналов «требовалось творчество: надо было в уста каждого говорившего ввести не только то, что он говорил, но и то, что он мог сказать, и притом в наиболее изящной форме. А так как разные министры говорили вещи, нередко совершенно противоположные, то писавшим журналы приходилось проникаться в одинаковой степени самыми различными точками зрения на один и тот же предмет».⁴⁸ Сказанное дополняется свидетельством управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина: «Ничего нет труднее, как это искусство писать разногласия. Тут соблюдаются особенные приемы. Надо, чтобы в одном мнении было рассмотрено совершенно с другой стороны на одно и то же дело, чем в другом. Не должно быть ни одного повторения; не должно быть противоречий».⁴⁹

⁴⁷ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966, т. II, с. 89.

⁴⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 1208, оп. 1, д. 39, л. 1, 2.

⁴⁹ РО ГБЛ, ф. 178, муз. № 9803, ед. хр. 4, с. 50—51.

В 1905 г. возросло значение особых журналов Комитета министров, каждый из которых посвящался одному вопросу, — более важному, сложному или спешному (в понимании руководства этого органа), чем прочие. Такие журналы отличались большей обстоятельностью изложения. Вертикальное членение их оказалось неудобным, и от него стали отказываться. Как правило, «особые журналы» так и называются в начальной части их текста. Затем указывается дата (или даты) рассмотрения дела. Следующим элементом текста являлся заголовок дела, обычно совпадающий с заглавием представления. Нередко журналы начинаются с изложения разъяснений по делу министра, подписавшего обсуждаемое представление. Изложение персональных высказываний других членов Комитета министров, о чем упоминает Н. Н. Покровский, как в особых журналах, так и в общих сравнительно редко. В постановляющей части журналов содержалось «положение» («По всем приведенным основаниям Комитет министров полагает...»). Если мнения разделялись, этой части журнала придавалась иная редакция, типа: «Таковые заключения свои Комитет имеет счастье повергнуть на всемилостивейшее одобрение Вашего императорского величества». В этом случае решение на стадии, предшествовавшей утверждению журнала, называлось «заключением».

Журналы Совета министров с апреля 1906 г. мало отличались от журналов Комитета министров с учетом тех изменений, которые мы отметили выше для особых журналов.

Особенности журналов делали единственно возможным их составление по завершении обсуждения, вне заседания, — обычно дома. Необходимым материалом для этого должны были быть, очевидно, достаточно обстоятельные протокольные (а может быть, и стенографические) записи, которые велись чиновниками канцелярий во время заседаний. К сожалению, эти записи не входили в состав обязательных документов официального делопроизводства и после их использования уничтожались. Лишь в редких случаях черновые записи, чаще всего во фрагментах, дошли до нас среди других документов. Чиновники, которым поручалось составление журналов, руководствовались лишь общими принципами их оформления и не особенно стеснялись какими-либо директивами. Так, Н. Н. Покровский вспоминает, что после заседаний Комитета министров чиновники его канцелярии собирались у управляющего делами для получения указаний по оформлению журналов: «После заседания сходились в кабинет А. Н. Куломзина, где получали будто бы указания, как писать журналы, но таких указаний, в сущности, вовсе не было».⁵⁰ О трудностях работы свидетельствует то, что подготовка журналов по наиболее сложным делам Государственного совета занимала до четырех недель,⁵¹ а в Совете

⁵⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 1208, оп. 1, д. 39, л. 2, 3.

⁵¹ Дневник... А. А. Полсцова, т. II, с. 206.

министров даже до трех месяцев (вместе с согласованиями).⁵² Решение по таким делам иногда (как нам удалось установить) оформлялось в виде особого документа — «проекта заключения по делу о...», текст которого привлекал, естественно, наибольшее внимание участников обсуждения и наиболее тщательно редактировался.

Известны случаи, когда некоторые журналы изымались из делопроизводства вследствие того, что оспаривалась правомерность обсуждения данного вопроса, и заменялись другими, уточненными.⁵³

Нам посчастливилось обнаружить одно из дел Государственного совета, в котором сохранился полный комплект документов, возникавших на разных этапах рассмотрения этого дела. Оно посвящено рассмотрению представления С. Ю. Витте от 6 сентября 1899 г. о реорганизации Департамента торговли и мануфактур в Главное управление промышленности и торговли в составе Министерства финансов.⁵⁴ Дело слушалось на нескольких заседаниях соединенного присутствия всех четырех департаментов Совета. В предложении Витте не без основания была усмотрена попытка создать под своей эгидой второе (торгово-промышленное) ведомство. Большинство членов Государственного совета признало целесообразным образовать четыре предлагаемых Витте отдела, но не объединять их в Главное управление, а подчинить заведованию особого товарища министра. Меньшинство же членов считало возможным сохранить Департамент, лишь несколько усилив его штат и введя для общего руководства промышленностью и торговлей в стране ту же должность товарища министра. К изложению этих трех мнений и сводится по существу содержание окончательного варианта журнала Совета. Из проекта журнала первых двух заседаний видно, однако, что особое мнение меньшинства возникло лишь при рассмотрении этого проекта и «Проекта заключения по делу...» (сохранился в деле). Протоколы рисуют картину очень напряженной дискуссии. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что, защищая свое представление и отвечая на вопросы, Витте брал слово 29 раз! Оказывается, что вариант реорганизации, отстаиваемый большинством, был в начале обсуждения выдвинут самим Витте как теоретически возможный, но не решающий проблемы в данном случае. Только в протоколах содержится важное высказывание министра финансов, устанавливающее связь намечаемой реформы с переживаемым этапом в развитии экономики — с «переходным положением к капиталистическому строю, через которое ныне проходит экономическая жизнь нашего отечества». Как курьез заметим, что

⁵² Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 309. (Тр. ЛОИИ АН СССР; Вып. 13).

⁵³ Там же, с. 305—306.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1153, оп. 1, 1900 г., д. 108, ч. 1, 2,

в пылу полемики Витте назвал биржевых дельцов, способствовавших панике на бирже, канальями. Соответствующее место в журнале отредактировано как «вакханалии на бирже».⁵⁵

Может быть, более всего заслуживает внимания то обстоятельство, что, как это видно только из протоколов, в ходе обсуждения проекта С. Ю. Витте были высказаны разные мнения о пригодности в новых условиях общепринятой организации министерств. Государственный контролер П. Л. Лобко полагал, что «устройство министерств, разделяющихся на департаменты, устарело и не соответствует более новым условиям жизни, расширению государственной деятельности». Его поддержал гр. А. П. Игнатьев (в прошлом киевский, подольский и волынский генерал-губернатор), заявивший: «Устройство Военного министерства (разделявшегося с 1860-х годов на главные управления, — Л. III.) гораздо совершеннее, чем устаревшие „учреждения“ прочих министерств. Я думаю, что положительно пришло время для замены прежнего департаментского устройства новым по типу главного управления». Он предложил даже «упомануть в журнале о необходимости пересмотреть общий закон о нашем министерском строе» (что не было, однако, сделано). В. В. Верховский (в прошлом крупный чиновник Министерства финансов) отстаивал мнение, что хотя рассматривавшийся «проект и является отступлением от мертвой буквы закона, но отступление это необходимо, так как вызывается насущнейшими требованиями жизни». Противоположную позицию занял А. А. Половцов. Сказанное им весьма характерно: «Желательно по возможности сохранять и оберегать общий строй наших министерских учреждений, так как иначе доверие населения к этим учреждениям, существующим уже около 100 лет, будет подрываться». И далее: «Я не усматриваю оснований отступать от общего порядка и ломать существующие учреждения, которые считаю хорошими. Нельзя же, в самом деле, колебать общий закон!».⁵⁶ Наконец, весьма любопытно для историка следующее зафиксированное протоколом откровенное высказывание С. Ю. Витте (вычеркнутый или замененный при редактировании текст воспроизводится нами в квадратных скобках): «Министерства управляются не только по букве закона [вовсе не только так, как говорится в законе], а также согласно требованиям действительной жизни, которые нередко расходятся с постановлениями закона. [Закон говорит одно, а жизнь — другое]».⁵⁷

Суммируя сказанное о журналах, мы можем еще раз констатировать, что они отражают прения не вполне точно. И хотя в таком виде они принимались и подписывались участниками прений, надо иметь в виду, что последними текст журналов воспринимался в связи с тем, что и как действительно говорилось на заседаниях и в кулуарах, о чем историк чаще всего может только

⁵⁵ Там же, ч. 1, л. 69—86; ч. 2, л. 3—6, 32, 51, 125—130, 176—178, 223—240.

⁵⁶ Там же, ч. 2, л. 8, 9, 17 об., 27, 43 об.

⁵⁷ Там же, ч. 2, л. 22.

гадать, и главное — в связи с решением дела. Но содержание журналов — это официально признанный итог рассмотрения дел. В источниковедческом отношении существенно важно наличие в прошлом определенных принципов подготовки журналов, которые могут быть выяснены и приняты во внимание историком, а также обнаружение надежных свидетельств о некоторых господствовавших тенденциях искажения правильности отражения журналами действительности. Дополнительно сошлемся на следующее важное свидетельство П. А. Валуева. В качестве общего явления он отмечал в своем дневнике за 1868 г.: «Старание опустывать членов коллегий редакционными оборотами журналов, говорить в журнале о том, о чем в заседании не упоминалось, умалчивать о том, о чем было говорено, искажать смысл представленных соображений и выводить заключения, никем из членов коллегии не выведенных, — все это давно вошло не только в обычай, но и в систему наших высших канцелярий... Некоторые из членов высших правительственных коллегий... не только не противились этим канцелярским маневрам, но ими пользовались и порою даже руководили».⁵⁸ В другом месте (тот же год) Валуев пишет, что редакционная обработка прений в журналах «сочещаний наших высших коллегий и состоявшихся в них заключений... нередко означает не изложение того, что действительно происходило или было постановлено, а такое ступшение обнаружившихся оттенков мысли и воли и такое приискание более или менее пропорциональной середины между разными противоречиями, которые предоставили бы членам коллегии возможность подписать журнал».⁵⁹ Сетования по поводу неточностей в журналах высших органов власти принадлежат и ряду других крупных государственных деятелей конца XIX в.

Из сказанного ранее следует, что особые журналы хотя и посвящены наиболее важным вопросам, рассматривавшимся Комитетом и Советом министров, но не исключительно. С одной стороны, многие особые журналы посвящены пустяковым делам, с другой — нередко общими журналами оформлялось обсуждение принципиальных (общего характера) вопросов или таких, которые возникли как частные, но в ходе их обсуждения получили более широкое значение. В качестве примера укажем, что общим журналом в 1899 г. было оформлено решение важного вопроса об ограничении участия иностранных подданных и лиц иудейского вероисповедания в составе правлений акционерных компаний (далее мы подробнее рассмотрим этот случай). Другим примером может служить общий журнал 1888 г., зафиксировавший выступление министра финансов И. А. Вышнеградского — в связи с рассмотрением устава одной из акционерных компаний, — посвященное политике финансового ведомства относительно участия иностранных капиталов в русской промышленности.⁶⁰

⁵⁸ Дневник П. А. Валуева..., с. 336.

⁵⁹ Там же, с. 357.

⁶⁰ Шенелев Л. Е. Акционерные компании в России, с. 127—128.

Мемории, составлявшиеся на основе журналов, отразили все особенности последних, присоединив к ним еще большую краткость. Е. А. Перетц определял их состав следующим образом: «В мемориях излагаются извлечения как из соображений министра, внесшего дело, и из отзывов других министров, если такие были, так и из суждений департаментов и Общего собрания Государственного совета. В случае разногласий в Общем собрании происшедшие разные мнения излагаются в мемориях сполна».⁶¹ Несмотря на неполноту, мемории интересны для историка в двух отношениях. Во-первых, тем, что именно по ним осуществлялось утверждение царем постановлений высших органов власти. Сопоставление мемории с журналом может показать, какие обстоятельства при этом опускались или вуалировались, а какие выделялись. Во-вторых, при пересказе содержания журнала составитель мемории неизбежно должен был пользоваться и некоторыми новыми формулировками, которые могут содержать новую информацию и пролить дополнительный свет на ход обсуждения дела.

Все перед этим сказанное нами характеризует официальную норму делопроизводства высших органов власти. В действительности же эта норма не вполне соблюдалась и дополнялась некоторыми важными элементами и чертами делопроизводства, о которых известно лишь по свидетельствам осведомленных современников. Однако эти свидетельства не могут не быть случайными, наводят на мысль о их неполноте и заставляют предполагать существование неизвестных нам других аналогичных отклонений от нормы. Ставшие известными до сих пор отклонения можно свести к четырем типам: 1) неточное отражение в документах реальных событий, в частности прений; 2) нарушение порядка рассмотрения и утверждения документов; 3) подготовка документов, не предусмотренных официально; 4) исключение некоторых документов из официального делопроизводства с передачей их в личные архивы корреспондентов.

П. А. Валуев пишет в дневнике, что об одном из его предложений на заседании Комитета финансов в начале 1860-х годов не было упомянуто в журнале этого Комитета, «чтобы не возбудить в государе императоре мысли, что можно бы отыскать новый источник дохода».⁶² Наоборот, тогда же председатель Комитета финансов гр. К. В. Нессельроде, ознакомившись с представленным ему журналом одного из заседаний, выразил удивление: «Мне кажется, что мы не говорили всего того, что здесь написано», на что управляющий делами Комитета М. Х. Рейтерн отвечал: «Но, граф, если бы я ограничился только тем, что говорили, то размер журнала не превзошел бы полстраницы».⁶³ А. А. Половцов сообщает, что в 1892 г. получил от И. А. Вышне-

⁶¹ Дневник Е. А. Перетца..., с. 105.

⁶² Дневник П. А. Валуева..., с. 154.

⁶³ Дневник... А. А. Половцова, т. II, с. 326.

градского журнал Комитета финансов, «в котором написаны никогда не высказывавшиеся в заседании соображения».⁶⁴

Случаев нарушения порядка рассмотрения и утверждения документов уже известно довольно много. Так, из дневника Е. А. Перетца мы узнаем, что в начале 1880-х годов он делал особые «отметки» на мемориях Государственного совета, по которым «разрешались государем все... дела» этого органа.⁶⁵ А. А. Половцов в свою очередь сообщает, что ему было вменено в обязанность «писать для государя самые краткие извлечения из посылаемых ему меморий... для облегчения его в многочисленных его занятиях». Было условлено, что такая практика должна храниться в секрете, причем «эти бумажки» царь должен был «уничтожать по прочтении».⁶⁶ Официально большое значение придавалось ежегодным всеподданнейшим отчетам губернаторов. Эти отчеты с пометами царя рассматривались в Комитете министров, который обязан был принимать соответствующие меры. Но вот А. Н. Куломзин свидетельствует (конец 1860-х—начало 1870-х годов), что «представления местных властей мало получают хода, и на них не обращается внимания». В частности, отчеты губернаторов «проходят совершенно бесследно, их никто не читает. Для государя отмечает статс-секретарь Корнилов более интересные места, затем государь посылает отчеты в Комитет министров, где эти места считаются якобы обратившими на себя внимание государя при чтении и докладываются Комитету... Никто решительно этого не слушает».⁶⁷ Аналогичное указание применительно к началу 1880-х годов находим в дневнике Е. А. Перетца: «Оказывается, что и управляющий делами Комитета министров (Н. П. Мансуров, — *Л. III.*) представляет государю интимные работы. Все губернаторские отчеты отсылаются к нему для предварительного прочтения, причем он обязан отмечать те места, которые заслуживают внимания».⁶⁸ Эти свидетельства не могут коренным образом повлиять на оценку отчетов губернаторов как исторического источника, но они, несомненно, должны учитываться при суждении о том значении, которое придавалось отчетам в верхах, и действительном значении царских помет на отчетах в период, о котором пишут Куломзин и Перетц. Тот же Куломзин рассказывает в своих воспоминаниях, что, будучи назначен в 1869 г. начальником одного из отделений канцелярии Комитета министров, он обнаружил, что дело рассмотрения проектов уставов акционерных компаний находится «в полном небрежении». Проекты эти читались только начальником финансового отделения, который «не находил, да и не искал» в них «никаких неправильностей и докладывал обыкновенно, что все обстоит благополучно, чем дело и кончалось». Понадобились экстраординарные

⁶⁴ Там же, с. 421.

⁶⁵ Дневник Е. А. Перетца..., с. 105—107.

⁶⁶ Дневник... А. А. Половцова. М., 1966. т. I, с. 21.

⁶⁷ РО ГБЛ, ф. 178, муз. № 9803, ед. хр. 4, с. 26.

⁶⁸ Дневник Е. А. Перетца..., с. 105—107.

меры, чтобы восстановить полагающийся делопроизводственный порядок рассмотрения уставов.⁶⁹

К числу документов, составление которых не предусматривалось официальными правилами делопроизводства, относились, например, «проекты заключений» по рассмотренным делам, составлявшиеся в делопроизводствах и Комитета министров, и Государственного совета. На значение документов этого рода мы еще будем указывать.

Наконец, примером того, как важные документы изымались из официального делопроизводства, может служить судьба ряда записок М. Х. Рейтерна, П. А. Валуева, В. И. Вешнякова и А. К. Мейендорфа 1864 г. и начала 1870-х годов по поводу реорганизации центральных учреждений, ведавших промышленностью и торговлей. Они были переданы Александром II Валуеву и оказались в его личном архиве. После смерти последнего в начале 1890-х годов эти документы поступили в распоряжение Вешнякова. Некоторые из них были утрачены, и мы узнаем о них только по изложению в воспоминаниях Вешнякова. Любопытно, что важная записка Рейтерна «По поводу характера финансового управления» осталась неизвестной даже его биографам.⁷⁰

Ошибки, пристокающие из незнания авторами исторических работ делопроизводства государственных учреждений, многочисленны. Обратимся к анализу использования документов Комитета министров в одной из работ видного советского историка И. Ф. Гиндина. Нам уже приходилось писать об этой работе, демонстрирующей необходимость учета исследователем целого ряда важных особенностей делопроизводства. Здесь остановимся на этом более полно.

В связи с изучением экономической политики царского правительства Гиндин опубликовал и прокомментировал несколько документов, в том числе официальное письмо министра финансов С. Ю. Витте на имя управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина от 29 марта 1899 г. и журнал Комитета от 1 июня того же года по его рассмотрении.⁷¹ Витте ставил перед Комитетом министров вопрос о необходимости изменить существовавший в то время порядок, согласно которому акционерным компаниям разрешалось иметь в составе своей администрации в большинстве или исключительно лишь русских подданных православного исповедания. Причин приводилось две. Первую Витте видел в необходимости облегчить прилив в акционерное дело России капиталов иностранных подданных и лиц иудейского вероисповедания. Вторая заключалась в том, что названное ограничение на

⁶⁹ Подробнее об этом см.: Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России, с. 109.

⁷⁰ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981, с. 30.

⁷¹ Гиндин И. Ф. Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX—начале XX в. — В кн.: Материалы по истории СССР. М., 1959, т. VI, с. 170—171, 209—216, 221—222.

практике обходилось путем введения в состав администрации компаний подставных лиц. Витте настаивал на том, чтобы «с особою осторожностью предъявлять требование об обязательном назначении русских подданных в состав администрации промышленных обществ».

Анализируя текст журнала Комитета министров, Гиндин пришел к выводу, что мысль министра финансов подменена и «авторы журнала приписывают Витте совершенно другую мысль: будто его беспокоит то, что русские ставленники в акционерных обществах являются лишь покорным орудием в руках иностранцев... и таким образом преследуемая правительством цель... — устранение фактического руководства иностранцев акционерными предприятиями в России остается неосуществленной».⁷² С этим выводом нельзя согласиться. Гиндин не учел, что в ходе обсуждения дела Витте имел возможность не только суммировать содержание инициативного документа, но и дополнить его новыми соображениями. (Этот промах тем более необъясним, что в самом журнале оговорено: «При слушании сего дела министр финансов высказал...»). Витте действительно высказал указанное выше беспокойство. Но заключительная фраза его выступления о том, что он «находит крайне желательным установление надлежащих мер к устранению на будущее время всех описанных неблагоприятных явлений»,⁷³ относится отнюдь не только к следовавшему перед ней выражению беспокойства, как полагал Гиндин, но и к изложению всей проблемы («всех ... явлений») как в письме, так и в выступлении. «Авторы журнала» просто не могли исказить выступление Витте, поскольку последний был влиятельным членом Комитета министров и при обязательном подписании журнала потребовал бы необходимых уточнений. В данном же случае отношение к тексту журнала было особенно внимательным, что мы поясним далее.

Невереп и другой вывод, который сделал Гиндин. Он утверждает: «Таким образом, вместо частичной отмены ограничений для иностранных капиталистов Витте было предложено заняться кодификацией действующих для них ограничений».⁷⁴ Вывод основывается на суждении Комитета министров о том, что «было бы крайне желательно выработать относительно состава администрации акционерных обществ общие правила... в установленной раз навсегда редакции... Выработку таких постановлений... предоставить министру финансов». Но это суждение содержится не в постановляющей, а в констатирующей части журнала. В постановляющей же части указывается: «Предоставить министру финансов, по соглашению с подлежащими министрами..., обсудить вопрос о тех необходимых ограничениях личного состава

⁷² Там же, с. 221—222.

⁷³ Там же, с. 214.

⁷⁴ Там же, с. 171. На с. 222 (примеч. 22) Гиндин снова пишет: «Комитет министров и Николай II подтвердили ограничения и предложили министру финансов привести их в единообразную систему».

администрации акционерных компаний, которые вызываются требованиями закона».⁷⁵ Как видно, между двумя последними цитированными положениями существует явное противоречие, которое, как ни странно, ускользнуло от внимания Гиндина, а потому он и не смог объяснить его. Он лишь высказал предположение, что идея унификации ограничений по составу администрации акционерных компаний принадлежит Куломзину.⁷⁶ Между тем истоки противоречия между констатирующей и постановляющей частями журнала объясняются документом, сохранившимся в том же деле из архивного фонда Куломзина, где Гиндин обнаружил оба опубликованных им документа. Этот документ — «Проект заключения по делу об участии иностранцев в управлении делами акционерных компаний».⁷⁷ В нем излагается первоначальная редакция постановляющей части журнала, вполне соответствовавшая содержанию констатирующей его части. В частности, в проекте содержалась унифицированная формулировка ограничений по составу администрации акционерных компаний, которая отныне должна была включаться в уставы компаний. Следовательно, несогласованность в журнале есть следствие по крайней мере частичной победы Витте. Победа эта состояла в том, что, поставив перед Комитетом министров вопрос о необходимости более осторожного применения ограничений, Витте, несмотря на попытку Комитета свести все дело к унификации ограничений, сумел добиться не только решения об обсуждении вопроса относительно меры этих ограничений, но и того, что инициатива и руководство таким обсуждением были поручены именно ему. В таком виде журнал был утвержден Николаем II. В результате учета изложенных обстоятельств возникает иная трактовка всего дела.

К сказанному следует добавить еще следующее. Журнал Комитета министров от 1 июня 1899 г. опубликован Гиндиным не по подлиннику, а по выписке из журнала (типографский экземпляр), отложившейся в личном архивном фонде Куломзина (что и отмечено Гиндиным в примечании). Между тем сохранились подлинники журналов (в фонде Комитета министров), обращение к которым выясняет, что опубликованный Гиндиным документ представляет собой выписку из общего журнала Комитета.⁷⁸ Это не оговорено публикатором, хотя, конечно, существенно для понимания документа. Из журнала видно, что 1 июня на заседании, продолжавшемся три часа, Комитет министров рассматривал около 20 вопросов. На нем не присутствовали, в частности, председатели Департамента государственной экономики и Департамента законов Государственного совета Д. М. Сольский и М. Н. Островский, а также министр иностранных дел гр. М. Н. Муравьев. Журнал был утвержден Николаем II в целом без какого-

⁷⁵ Там же, с. 215—216.

⁷⁶ Там же, с. 170—171.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 86, л. 95—97. (Типографский экземпляр).

⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5388, л. 185—190 (№ 609).

либо выделения той его части, которая посвящалась рассмотрению письма Витте на имя Куломзина.

Как уже отмечалось, в делопроизводстве высших государственных учреждений России в разное время большее или меньшее распространение имело ознакомление со многими документами на слух (заслушивание их): царю читались мемории, журналы вместе с постановлениями зачитывались присутствиям перед их подписанием, министры излагали содержание своих представлений перед присутствиями. (Это было продолжение практики делопроизводства коллежских учреждений XVIII в.). Правда, в особо сложных случаях обсуждение могло приостанавливаться, чтобы дать членам присутствия воочию ознакомиться с обсуждаемыми документами. Так, например, было поступлено в Государственном совете в конце 1836 г. при рассмотрении закона об акционерных компаниях.⁷⁹

Особенно распространенное в первой трети XIX в. заслушивание документов практиковалось и в конце века. А. А. Половцов свидетельствует, что в Общем собрании Государственного совета «статс-секретарем читались журналы по делам, выслушанным в предшествовавшем заседании».⁸⁰ Обычай ознакомляться с документами на слух сохранялся в конце XIX в. и в личной практике некоторых государственных деятелей. Так, по сообщению С. Ю. Витте, председатель Департамента государственной экономики Государственного совета А. А. Абаза имел обыкновение читать только заключительные части документов большого объема, а с обстоятельствами дела — основным содержанием документов — его «вкратце» знакомил секретарь.⁸¹ Можно подозревать, что подмена чтения документа его кратким пересказом была распространенным явлением. Заметим вообще, что, как известно, у людей XIX в. умение воспринимать текст на слух было более развито, чем в наше время. Более того, многие в прошлом для уяснения содержания должны были произносить (проговаривать) читаемое.

Поскольку зачитание документов вслух замедляло процесс делопроизводства, а восприятие документов на слух не обеспечивало точности понимания и тщательности их редакционной отработки, с конца 1860-х годов получает распространение печатание типографским способом таких важных документов Государственного совета, как представления ведомств и журналы департаментов. С начала 1890-х годов стали печататься представления в Комитет министров (сначала на пишущей машинке, а с 1895 г. типографским способом) и его журналы, а с 1893 г. — мемории Государственного совета.⁸² С появлением печатных экземпляров представлений ведомств и журналов они стали раздаваться членам

⁷⁹ Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России, с. 47.

⁸⁰ Дневник... А. А. Половцова, т. I, с. 78.

⁸¹ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 1, с. 216.

⁸² Государственная канцелярия..., с. 383; Дневник... А. А. Половцова, т. II, с. 380.

Совета и Комитета. Это намного ускорило и упростило процесс обсуждения дел. Пользуясь тем, что члены Государственного совета имеют на руках заранее розданные им экземпляры представлений, обсуждение дел в Общем собрании стали начинать с зачитывания статс-секретарем лишь «заголовков дел».⁸³ Вместе с тем журналы стали подвергаться большей правке со стороны членов присутствий. Кроме того, печатные документы стали компактнее и удобнее для прочтения; более полным за счет печатных экземпляров (в том числе и правленных) стал состав документов в делах всех ведомств, принимавших участие в их подготовке и рассмотрении.

Установление в начале XIX в. новой (министерской) системы государственных учреждений имело одной из своих целей повышение оперативности управления и приспособление его к убыстряющимся темпам общественной жизни. Той же цели, в частности, должно было отвечать и делопроизводство этих учреждений, объемы которого резко возросли по сравнению с XVIII в. Потребности модернизации делопроизводства, в котором, как мы отмечали, существенное место занимало восприятие документов на слух, послужили стимулом к изменению «приказного стиля», или «официального слога», т. е. общепринятого условного канцелярского языка. Язык этот страдал многими недостатками, из которых пространность (многословие) и неточность (витиеватость) были главными. Много сделали для усовершенствования канцелярского языка сначала М. М. Сперанский, а затем М. А. Корф, занимавший во второй четверти XIX в. должности управляющего делами Комитета министров, государственного секретаря, а затем главноуправляющего Вторым (кодификационным) отделением Собственной его величества канцелярии. Считалось, что сам Корф блестяще владел официальным слогом и был «по общему признанию, образцовым редактором».⁸⁴ Его слог признавался необыкновенно точным, кратким и «блестящим», являющимся примером для подражания. Внимание к канцелярскому языку получило распространение. Сотрудник Корфа по канцелярии Государственного совета Я. К. Грот вспоминал о своем шефе: «Он обладал мастерством в изложении самых запутанных дел; сжатость и ясность речи достигали под его пером высшей степени, и это искусство усваивали себе более или менее все работавшие под его руководством».⁸⁵ Модернизация канцелярского языка проходила в тесной связи с изменениями в русском литературном и разговорном языке.

Постепенно складывавшийся новый (министерский) канцелярский язык характеризуется прежде всего стремлением к точности и выразительности изложения, стройности в организации текста, унификации и стабильности однородных его элементов, к учету

⁸³ Дневник... А. А. Половцова, т. I, с. 78.

⁸⁴ Исторический обзор..., с. 34.

⁸⁵ Русский биографический словарь, «Корф М. А.», с. 286.

иерархии учреждений и должностных лиц. Точность достигалась, в частности, обстоятельностью изложения, использованием устоявшихся формулировок и правильным применением терминов. Язык и манера изложения варьировались по ведомствам и в зависимости от вида (характера) документов.

К концу XIX в. «условный канцелярский язык» стал сближаться с разговорным языком. Многие новые государственные деятели не требовали неукоснительного его применения.

Имея в виду лучшие образцы министерского канцелярского языка,⁸⁶ следует отметить, что его высокая точность является причиной того, что пересказ содержания делопроизводственных документов современным нам языком оказывается во многих случаях неоправданным, поскольку ведет к утрате части содержания или к его искажению. Во многих случаях предпочтительным является цитирование документов с необходимым комментарием исследователя.

Особенности эволюции канцелярского языка министерского периода еще ждут своего изучения в историко-вспомогательных целях. Мы же кратко рассмотрим здесь две частные проблемы, с которыми чаще всего приходится сталкиваться историку.

Первая из них: применение в документах обязательных формул при указании лиц — формул *адресования*, *обращения* и *наименования*. Во всех этих случаях обязательным было употребление разного рода титулов в соответствии со старшинством корреспондентов. При *адресовании* документа (в третьем лице в дательном падеже) низшим должностным лицом высшему до середины XIX в. указывались частные и общие титулы по должности и чину (например, «его превосходительству товарищу министра финансов тайному советнику такому-то»). Позднее эта формула была упрощена: стали писать только общий титул и должность («его высокопревосходительству министру финансов») или общий титул и фамилию («его высокопревосходительству И. Л. Горемыкину»). Равные должностные лица и высшие при сношении с низшими указывали только наименование должности (например, «управляющему Бакинской казенной палатой»). Кроме адресования, сношения содержали формулы *обращения*. Низшие должностные лица обращались к высшим с использованием общего титула (например, «ваше высокородие»); равные и высшие к низшим — только с указанием предиката («господин») и должности (без указания общего титула и чина). К лицам, имевшим родовой титул, необходимо было обращаться, используя только этот титул, причем низшие при обращении к высшим использовали общий родовой титул (например, «ваше сиятельство»), а равные и высшие к низшим — частный (например, «барон», «князь»).

Особого рода титулами являлись так называемые *предикаты* —

⁸⁶ Конечно, в делопроизводстве некоторых учреждений, особенно местных, часто можно встретить неумелое следование принятой манере изложения: длинноты, архаизмы, избыток бюрократических оборотов речи.

обычная и общепринятая форма обращения и наименования официальных и частных лиц (иногда в сочетании с частными и общими титулами). В России существовали три таких предиката: «государь», «господин» и «сударь». Считается, что исходным для всех трех было слово «господь», подразумевающее бога. Производное от него «господарь» видоизменилось в «господин» и «государь». Последнее слово послужило основой для сокращенного его варианта «сударь». С начала XVII в. предикат «государь» использовался исключительно при наименовании императора, а до 1886 г. — также и великих князей («государь император», «государь и великий князь»). Формами обращения к ним были соответственно: «всемиловитивейший государь» и «милостивейший государь». При наименовании всех прочих официальных лиц, а также частных (свободных состояний) использовался предикат «господин». При обращении же к этим лицам использовались тем же предикатом «господин» с добавлением фамилии или указанием должности либо чина («господин Ананьин», «господин управляющий», «господин коллежский советник»). Однако во множественном числе возможно было обращение «господа» (без каких-либо добавлений). Предикат «сударь» использовался как безымянная форма обращения в быту (почти не упоминается в документах). В качестве же наиболее распространенного «общего вежливого обращения» применялась формула «милостивый государь», причем, по наблюдениям В. И. Даля, до середины XIX в. эта формула использовалась лишь при обращении к высшему. К равному же обращались «милостивый государь мой», а к низшему — «государь мой».⁸⁷

В случае адресования документа учреждению применялись две формулы. Равные учреждения и низшие при сношении с высшими указывали наименование адресата в винительном падеже с предлогом «в» («В Департамент окладных сборов»). При сношениях высших учреждений с низшими в этом случае употреблялся дательный падеж («Московской казенной палате»).

Изучение порядка адресования документов и формул обращения должно быть продолжено с учетом задач атрибуции и интерпретации источников. Уже известное нам на этот счет свидетельствует о перспективности такого изучения.

Вторая проблема, которую мы считаем нужным затронуть, — проблема изменения смыслового значения некоторых слов русского языка на протяжении XIX в. Вкладывавшийся в них составителями документов смысл может быть отличен от современного нам, на что иногда не обращается внимание, поскольку эти слова понятны в ином значении. Так, например, в XIX в. иным, чем ныне, было употребление слов «мануфактура», «фабрика», «завод». В энциклопедическом словаре конца века отмечалось: «В разговорном языке не отличают понятий „завод“ и „фабрика“

⁸⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1903, т. 3, с. 955.

и, быть может, до сих пор нет особой в том надобности». Вместе с тем пояснялось, что «вообще под фабриками обыкновенно подразумевается лишь механическая обработка твердых веществ: волокон, металлов, дерева, камней и т. п.».⁸⁸ Словарь В. И. Даля определяет завод как «заведение или устройство для машинной выделки чего-либо», которое «различается от фабрики тем, что на последней работа идет более руками».⁸⁹ В делопроизводственной практике различие между фабрикой и заводом усматривалось в том, что на фабрике производится лишь одна какая-либо стадия обработки продукта (например, изготовление ткани из пряжи), а на заводе продукт проходит все стадии обработки (выплавляется металл, и из него изготавливаются изделия). Слово «мануфактура» определяется Далем как «ремесловое заведение, фабрика».⁹⁰ В более широком смысле, чем ныне, понималось слово «торговля». Поэтому, например, наименование учреждения «Департамент торговли и мануфактур» не должно пониматься буквально в современном значении слов «торговля» и «мануфактура». Слово «промышленность» до конца XIX в. означало промысел вообще, в том числе и сельскохозяйственный. В области акционерного дела в делопроизводственном языке различались «компания», «акционерное общество» и «паевое товарищество». Распространено было особое употребление слова «учреждение». Помимо обозначения действия и органа власти, оно обозначало также определенный вид законоположений. Считалось, что собственно «закон определяет права, обязанности и вообще отношения подданных к правительству и друг другу». «Учреждением» же назывался акт, определявший «цель образования и круг действий какого-либо места» (т. е. органа, учреждения). Третьей разновидностью был «устав», которым определялись «формы и порядок действий» (чьи-то).⁹¹ Наконец, укажем, что отличным от принятого теперь было употребление целого ряда политических терминов.

Отмеченные нами некоторые важные для историка особенности организации и функционирования высших органов власти царской России XIX—начала XX в. (первая часть статьи) и их делопроизводства (вторая часть) таковы, что заставляют предполагать перспективность в научном отношении изучения истории других государственных учреждений дореволюционной России и их делопроизводства в частности. Такое изучение будет способствовать полноте и правильности использования делопроизводственных документов, а также повышению общей источниковедческой культуры основывающихся на них исторических исследований.

⁸⁸ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1894. т. 23, с. 100.

⁸⁹ Толковый словарь..., т. 1, с. 1401.

⁹⁰ Там же, т. 2, с. 776.

⁹¹ Исторический обзор..., с. 8.